
КНИЖНЫЙ ОСТРОВ

Воскресшие на Третьей мировой. Антология военной поэзии 2014–2022 годов / Составители А. Колобродов, З. Прилепин, О. Демидов. СПб.: Питер, 2023. – 416 с. – («Питер покет»).

Вошедшие в антологию стихотворения — это своеобразное зеркало, в котором конфликт на Украине и Специальная военная операция отражены с самых разных сторон и с применением разнообразной оптики, поэтики и стилистики. Под обложкой книги «встретились» поэты разных литературных поколений: самому старшему А. Проханову 84 года, самым младшим, М. Лешкевичу и В. Цыпленковой, по 25–26 лет. В книге представлены практически все наличествующие в России литературные поколения, за исключением разве юных поэтов нулевых годов рождения. Среди авторов «Антологии» легендарные В. Алейников и Ю. Кублановский, входившие в самую талантливую и скандальную литературную группу второй половины 1960-х — СМОГ («Самое молодое общество гениев»). Книга после долгого перерыва объединила участников яркого поэтического движения конца XX века — «Ордена куртуазных маньеристов»: А. Добрынина, В. Степанцова и В. Пеленягрэ. Представлены стихи признанных давно и на всех уровнях литературных иерархий С. Кековой и О. Николаевой. Всего в книгу вошли стихи более чем 63 современных авторов с разными, иногда полярными, стилистикой, поэтикой и даже мироощущением. Они живут в разных городах Большой России и в самом Донцке. На своем опыте о жизни своих земляков знает поэт из Донца А. Ревякина.

Лариса не любит, когда ей задают вопросы
о лете четырнадцатого,
о том, как здесь все горело.
«Я бы не выжила, если бы не дикие абрикосы,
Я варила из них суп. И его ела».

Изнутри видят пылающую землю Донбасса находящиеся рядом с жителями и защитниками Донбасса поэты-военкоры А. Долгарева, Н. Курчатова, В. Цыпленкова, С. Пегов. На страницах сборника явлены знаковые места тяжелых боев и кровавых событий: Горловка, Дебальцево, Широкино, Макеевка, Соледар, Луганск, Донецк, затхлые подземелья «Азовстали», Камышеваха, Буча. Оживают ландшафты Киева, Харькова, Одессы, Мариуполя... Объединяет столь разных поэтов глубокое, искреннее переживание, сопереживание происходящего на страшной, братоубийственной войне. Ведь «не воскреснут Петр и Петро, не воскреснут Василь и Вася». В стихах российских поэтов нет ни ненависти, ни агрессии. Но есть место подвигу, пороку, крови, слезам, предательству... И боли. Боли, особенно явственной в стихах, посвященных детям Донбасса.

Они стреляли по донецким,
Они стреляли по луганским,
По сношенным пинеткам детским,
По каблукам и сумкам дамским...

Они не подходили близко,
 Стреляя в школьницу у дома,
 Она была сепаратистка,
 Она абстрактна, незнакома.
 Невидимы в прицеле пушки
 Ее косички и ладошки,
 Ее забавные веснушки,
 Припухлые ее губешки.

М. Ватутина

Аллея ангелов, прости,
 Мы долго шли.
 И оправданий не найти —
 не сберегли.

А. Шагин

В предисловии А. Колобродов и О. Демидов отмечают совершенно революционное явление в современной русской словесности в стихах антологии: «укрепрайоны постмодерна поэты гвоздят при помощи одного из главных его инструментов — центонного стиха, который несколько десятилетий считался забавой поэтических мальчигов, а объективно — признаком пошлой эстрадности». И указывают наиболее цитируемых поэтов, прямо и темами/мотивами: С. Гудзенко, Б. Слуцкий, А. Твардовский, Ю. Кузнецов... Среди «цитат» и такая: «Выходила на берег Катюша, посмотреть на Северский Донец». Звучат в стихах интонации Ахматовой, Цветаевой, Гумилева, Высоцкого... Нередки отсылы к Библии, к русской классике, Булгаков. Гоголь... «А спасут ли тебя твои ляхи / От Суда, от позора и плахи?!» Для осмысления русско-украинской трагедии современные поэты используют весь опыт русской литературы, и в первую очередь духовно-нравственную его составляющую. Неизменно глубинное восприятие земли «от Дикого поля до Тихого Дона», где ныне «„грады“ решают, быть или не быть», как исконно своей, нуждающейся в защите. «Скифские хроники: степь да туман, / Пыль да польнь, чернозем да саман, / Шорох травы да соломы», свой дом, «где стариною тряхнуть и не грех, вышедши в чистое поле» (В. Алейников). «Распаханы земли украинским градом... / равнина с лица, как с изнанки, / но мы эту землю по-братски пригладим / на русском обугленном танке (Д. Артис). «Простите, что я не уеду. Простите, я тоже русня. / Простите, я лучше останусь собой / до последнего дня» (А. Пелевин).

Свое отношение к происходящему поэты передают и обращаясь к русской истории, подчеркивая неразрывность прошлого и настоящего: «у нашего мужества плечи Ильи Муромца, кулак Алеши Поповича»; Китеж, что не сдался врагам; Петр I и «снова не наша Полтава». А. Колобродов и О. Демидов отмечают и очень важную русскую эмоцию у современных поэтов (она же — важнейшая лирическая идея): «...у Бога мертвых нет и наши павшие продолжают воевать с нами бок о бок, одновременно являясь защитой живых и их небесным представительством». И вот уже встает в стихах бессмертный полк, и встраиваются в него военные поэты минувших времен, и укрывает святой Михаил своим крылом русскую армию, и неизменна вера в свою правоту, и встречает апостол Петр у райских ворот погибшего солдата.

И спросил апостол у солдата:
 «За кого ты воевал, солдат?»

И солдат, убитый под Донецком,
Протянул апостолу в горсти
В крови и поту
Рисунок детский
И услышал голос:
— Пропусти.

А. Шмелев

Ярко, эмоционально, остро отзываются отечественные поэты на военную драму наших дней и встраиваются, как когда-то их предки, в ряды защитников своего Отечества, и складывается современная российская гражданская и лирическая поэзия в новейший национальный эпос.

Олег Немировский. Драгоценные россыпи воспоминаний: Биографические заметки. СПб.: Реноме, 2022. — 168 с.; ил.

Биографические заметки, органично перетекающие в историю семьи, в историю страны. У Олега Немировского есть уникальная возможность проследить свою родословную с середины XIX века. В семье, несмотря на все социальные катаклизмы, сохранились старинные фотографии, семейная переписка, документы. Удалось сберечь даже паспорт Лонгина Игнатьевича Немировского, востребованного инженера-железнодорожника, деда автора. В конце XIX века в нем появилась запись «Потомственный Почетный гражданин», это звание распространялось на всех его потомков. Много интересного о прежней жизни рассказывали О. Немировскому и бабушки-долгожительницы. По семейным преданиям, родовая фамилия происходит от города Немирова, расположенного на Западной Украине. Первыми (начало XIX века) в семейной хронике значатся два брата, православные священники, насельники Винницкой губернии — Виктор и Никифор Немировские. Сын Виктора Игнат по окончании Каменец-Подольской семинарии был назначен священником в село Березовка. Вопреки воле польского пана о. Игнат ночью тайно обвенчал девушку, которую польский пан хотел взять в наложницы, с ее возлюбленным. Был лишен прихода, оказался без средств к существованию, вскоре скончался (1861, 1862?). Колоритных историй, характеризующих разные времена и нравы, в книге немало. Умирая, о. Игнат о своем малолетнем сыне Лонгине поручил позаботиться своему другу, студенту Киевского университета В. Антоновичу (впоследствии — историк, член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской академии наук). «Предки, которых мы никогда не видели, — пишет О. Немировский, — не остались там, в глубоком прошлом, они продолжают на нас воздействовать, даже через несколько поколений. Способности и таланты, переданные родителями, совершенствуются в детях в течение жизни. Они имеют все условия для распространения от одних лиц к другим и для передачи из поколения в поколение». Автор уверен, что влияние личности продолжается и после ее смерти и определенные черты характера передаются через несколько поколений. Главной семейной чертой он считает стремление к самостоятельной жизни. Такую жизнь начал Лонгин после окончания Киевского железнодорожного училища. Такое же стремление к самостоятельности еще в юности проявили его будущая жена и ее сестра. Получив хорошее образование в Мариинской гимназии, в возрасте 17—18 лет барышни приехали в Уральск (ныне Казахстан), где стали гувернантками в богатых семьях наказных атаманов. По рассказам бабушки, у их работодателей в отдельных помещениях стояли бочонки с зо-

лотыми червонцами. Высокопоставленные казаки предлагали барышням замужество, но те отказывали в ожидании большой любви. Семейные предания плавно перетекают в личную биографию автора. Подробно рассказывает он об отце, Николае Лонгиновиче Немировском (1900—1988), химике-токсикологе. Мать, также происходившая из семьи священнослужителей (Назаревским, Фокко посвящены отдельные главы), 13 сентября 1941 года в возрасте 35 лет погибла при артобстреле у Гостиного двора, автору было два с половиной года. Оставшиеся без матери дети выжили в блокаду благодаря отцу: он сумел определить старшего сына (1929 года рождения) в дивизию, где тот был приписан к пулеметным мастерским, получил форму и, главное, солдатский паек, а младшего — в Токсовский детский дом. «До сих пор помню вкус вареной картошки, окрашенной свеклой, которую давали детдомовцам. Детям вне детских домов такие блюда были недоступны». Отец был начальником химслужбы 136-й стрелковой дивизии, стоявшей в Токсово, и там же проживал вместе с матерью. Блокада — это в основном рассказы старших. А вот послевоенное время: мытарства и унижения родственников, невольно оказавшихся на оккупированных территориях; быт коммунальной квартиры на улице Чайковского, 57/11, где у семьи была комната; большие отштукатуренные подвалы, где жители хранили дрова (ныне там магазинчики и закусовые); катание на трамвайной «колбасе»; разбросанные по городу многочисленные фанерные ларьки, где и детям продавали водку, — это все личные воспоминания автора. Он вспоминает тяготы детских лет: отец все свободное время от преподавания в Технологическом институте тратил на подготовку докторской диссертации; дети были предоставлены сами себе. В школе рядом с домом отношения ни с одноклассниками, ни с учителями не складывались. Учиться пришлось вдали от дома: в Парголово, в Оредеже, а там — керосиновые лампы, дровяное отопление. Школу в Оредеже он, признанный ленинградскими учителями чуть ли не «умственно отсталым», окончил с хорошими оценками и не без помощи отца в 1956 году поступил в Ленинградский санитарно-гигиенический медицинский институт. После аспирантуры работал преподавателем, руководил созданием санатория-профилактория при объединении «Электросила», затем заведовал наркологическим отделением в психиатрической больнице в поселке Преображенка в пяти километрах от Кингисеппа. Одно время даже выступал как конферансье на концертах оперной певицы Галины Каревой, своей жены, — брак распался из-за разных жизненных ритмов. О. Немировский воссоздает подзабытые реалии советской жизни: неофициальная советская «валюта» — спирт, водка, самогон как средство платежа за услуги, за внеплановый, сверхурочный труд; вынос поварами продуктов «для дома, для семьи»; отрицательный и положительный опыт работы психиатрических больниц советской эпохи. Дает резкие оценки «работе» с «диссидентами». Профессиональный психиатр-нарколог, он ставит свой диагноз Сталину, размышляет о чувстве собственного достоинства, призывает к заботе о собственном здоровье и к трепетному отношению к истории своего рода. Эта книга не просто биография одного человека, история жизни и выживания отдельно взятой семьи. Это и попытка осмысления духовной связи поколений, преемственности жизненного опыта и его влияние на формирование личности. Подтверждена ли эта теория практикой? Дети Немировского живут за границей; родной язык внуков — французский, говорят и по-английски, но русского не знают. Повлиял ли опыт предков на выбор жизненного пути детьми автора? Ответ можно найти в книге.

Андрей Беляков. Симеон Бекбулатович: пример адаптации выходцев с Востока в России XVI века. СПб.: Нестор-История, 2022. — 408 с.

Симеон Бекбулатович (Саин-Булат бин Бекбулат) (?–1616) — до настоящего времени фигура во многом загадочная. Вопросов много. Почему именно его Иван Грозный сделал формальным правителем Московского государства? Был ли он безропотным орудием в руках московских царей или же мог позволить себе иметь собственное мнение? Достоверных свидетельств о жизни Симеона Бекбулатовича крайне мало. Известно, что в нем текла кровь Чингизидов: его отец был прямым потомком властителей Золотой Орды, внуком последнего золотоордынского хана Ахмата, того самого, что противостоял русским войскам во время знаменитого «стояния на Угре». Известно, что в юном возрасте вместе с отцом прибыл на свадьбу своей тетки по материнской линии, черкесской княжны Кученей (после крещения — Мария Темрюковна), ставшей второй женой Ивана Грозного, и остался в Москве. Новоиспеченный родственник находился под постоянным вниманием царя: в 1573 году Саин-Булат крестился по указу царя, примерно тогда же Иван IV женил его на Анастасии Мстиславской, потомке Софии Палеолог. Симеон оказался в свойстве с виднейшими фамилиями Московского государства второй половины XVI века, был материально устроен. Приглядываясь к племяннику по жене, Иван IV проверял его в ходе Ливонских войн, во главе Большого полка направил к Выборгу. С 1567-го по 1573 год Симеон Бекбулатович управлял Касимовским ханством, в 1575–1576 годах формально был главой Русского царства, с 1576-го по 1585 год стоял во главе Тверского княжества. Последние годы жизни провел в изгнании в монастыре под именем инок Стефана. Пребывание Симеона Бекбулатовича во главе страны является одной из наиболее темных страниц русской истории XVI века. Исследователи высказывают разные предположения, для чего Ивану Васильевичу понадобилась эта авантюра или, по выражению историка Ключевского, «политический маскарад». Все время «правления» Симеона Иван Грозный соблюдал видимые признаки подчинения новому царю: отказался от титулов и царской роскоши, ездил как боярин в «простых оглоблях», подписывался в письмах к Симеону «челом бью великому князю». Но в то же время реальная власть оставалась в руках Ивана Грозного. Андрей Беляков рассматривает все выдвигаемые историками версии о причинах «передачи» власти Иваном Грозным другому человеку и предлагает свои. Выбор Симеона как нового правителя объясняет тем, что царь был убежден в безусловной его преданности. А. Беляков опровергает устоявшуюся благодаря Карамзину характеристику Марии Темрюковны как «дикой нравом, жестокой душой». Считает, что количество вкладов в монастыри и церкви, сделанных за упокой ее души Иваном Грозным, свидетельствуют о теплых отношениях супругов, возможно, было и обещание, данное Иваном IV царице, позаботиться о ее родственнике. По «сведению» с престола Симеон получил новый титул — Великий князь Тверской и Тверь во владение, правда, опустошенную после разгрома Иваном IV в 1569 году и эпидемии чумы. Черные дни для Симеона Бекбулатовича наступили в 1584 году, когда скончался Иван Грозный, и фактическая власть перешла к Борису Годунову. Симеона лишили титула Великого Тверского князя, значительно урезали земельные владения. При Лжедмитрии I он был отправлен в Кирилло-Белозерский монастырь, где был пострижен в монахи под именем Стефан; в дальнейшем царь Василий Шуйский отправил его на Соловки. Только Михаил Романов, взойдя на престол, разрешил Симеону вернуться в Москву, где тот и скончался в 1616 году. Был похоронен рядом с супругой в Симоновом монастыре в семейной усыпальнице Милославских. В советское время монастырь был разрушен, а могила Симеона утеряна. А. Беляков тщательно исследу-

ет, чем были вызваны те или иные изменения в жизни героя его книги. Главная причина злключения Симеона после смерти Ивана Грозного, считает он, была в том, что его родословная давала ему больше прав на престол, чем Годунову, Шуйскому и, конечно, Дмитрию Самозванцу. Используя косвенные сведения, автор реконструирует двор касимовских «правителей», его тверские владения Симеона. Воссоздает обыденные реалии жизни своего героя: ратные службы, военные походы, охота, двор, круг общения, реальные доходы. Подробно описаны статусные предметы, которые мог иметь юный касимовский царь Саин-Булат: шуба как парадная одежда, шлем, доспех, знамя... Автор пробует взглянуть на происходящие события глазами Симеона, реконструировать его условный портрет, отметив черты характера, которые, судя по сохранившимся источникам, можно ему приписать: сдержанный, «тихий», как называли его люди, но со внутренним стержнем. Именно последним автор объясняет устойчивый интерес Ивана Грозного к Симеону. Чтобы отчасти заполнить многочисленные лакуны в истории своего героя, автор проводит обширное исследование жизни его ближайшего окружения и многочисленных родственников, также проживавших в России: татарских царей и царевичей, черкесских князей и ногайских мирз. В результате на страницах книги возникает собирательный образ знатных выходцев с Востока в Московском государстве XVI — начала XVII века. А. Беляков совершает экскурс в историю Черкесии, повествует о том, как развивались отношения ордынских кавказских и предкавказских государственных образований с Астраханским княжеством, с Крымом, с Москвой. Освещает историю Касимова, феодального государственного образования, существовавшего на территории современной Рязанской области с 1452-го по 1681 год, и его правителей. В этом исследовании собраны воедино все известные на настоящий момент документальные свидетельства о жизни Симеона Бекбулатовича, и это первое монографическое исследование, ему посвященное через 130 лет, прошедших после выхода книги Н. Лилеева. В приложении опубликованы документы, обнаруженные в архивах в последние годы.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

Редакция благодарит за предоставленные книги
Книжную Лавку Писателей
(Санкт-Петербург. Невский пр., 66, т. (812) 640-44-06,
www.lavkapisateley.spb.ru)